

НЕПЕРЕВОД В КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМАХ: СТРАТЕГИИ И МЕХАНИЗМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тематический блок «Неперевод в культурных системах: стратегии и механизмы», рассматривает функционирование неперевода как знака, указывающего на аккомодацию культурных систем. Под культурной системой здесь понимается система, в которой по определенным правилам циркулирует информация (прежде всего языковая) и которая способна к самоорганизации, перестройке и изменению. Такие системы динамичны, способны к активному взаимодействию друг с другом, благодаря чему можно говорить об идущих в них процессах аккомодации, когда они приспосабливаются друг к другу, видоизменяясь в процессе такого приспособления. Концепция аккомодации культурных систем предполагает, что контактирующие культурные системы частично уподобляются друг другу или, напротив, вырабатывают новые различия. Это происходит в силу того, что они обладают способностью к самоорганизации, перестраиваясь под внешним воздействием. При этом любая культурная система оперирует языком, и потому исследование именно *языковых* механизмов аккомодации позволяет описать динамику взаимной перестройки систем и их последующей самоорганизации. Перевод здесь возникает как один из самых частых примеров культурной аккомодации, но если возможна ситуация перевода, то возможна и противоположная ситуация — *неперевода*, когда некоторые дискурсивные элементы оригинала по каким-то причинам не подвергаются аккомодации или должны избежать ее.

Один из частых вопросов, который регулярно возникал в теории перевода, особенно когда речь шла о переводе художественных и философских текстов, — эквивалентность перевода: насколько система одного языка, не только грамматическая, но и концептуальная, поддается передаче средствами другого языка. Отсюда следует и оперирование термином «непереводимость», определяющим то, что не поддается передаче в силу объективной разности языкового устройства или по какой-либо сложившейся культурной конвенции. Эта проблематика с особой остротой стояла в структуралистской теории перевода (ср. знаменитый пример Р. Якобсона с переводом слова «сыр» на разные языки). Не разрешенная вполне в рамках чистой лингвистики, эта проблема теперь во многом получает решение в новейших разработках на основе искусственного интеллекта и обучения нейросетей. По этой причине она остается за пределами внимания авторов статей этого блока.

Введение понятия и термина «неперевод» необходимо, чтобы противопоставить неперевод непереводимости. Если последняя подразумевает — вполне в духе структуралистской науки о переводе, — что

невозможность перевода тех или иных понятий или представлений — «дефект», пусть и неизбежный, любой переводческой деятельности, то неперевод сосредоточивается на том, что не все *должно* быть переводимым, а научная проблема состоит в том, почему те или иные дискурсивные единицы остаются без перевода и что это значит для теории перевода в целом. Отказ от перевода может быть вызван разными причинами — сакральностью текста, цензурными ограничениями, культурными различиями и, наконец, всеми этими факторами вместе. Понятый в подобном ключе *неперевод* представляет собой явление такое же древнее, как собственно перевод: от оставленных без перевода слов в Септуагинте (вроде слова *Саваоф*, множественного числа от слова «воинство») до новейших поэтических практик, где целые фразы на не самых распространенных языках приводятся без объяснений. Такие ситуации часто связаны с сакральностью обозначаемого объекта или, напротив, с цензурой, необходимостью сообщить истинный смысл только посвященным, а иногда — с желанием деавтоматизировать коммуникацию между текстом и читателем, заставить его «запнуться».

В качестве объектов исследования авторами статей были выбраны художественные (в основном поэтические) и философские тексты, возникающие при устном переводе ситуации невербальной коммуникации и практика автоперевода, осуществляемая авторами-билингвами. Так или иначе все авторы сталкиваются с тем, что оппозиция «перевод *vs* неперевод» соотносится как с многоязычным обликом текста, так и с проблемой культурной иерархии языков: часто в повседневных разговорах можно услышать о «красивых» языках, некоторые языки называют «простыми» или «сложными», говорят, хотя и реже, о «распространенных», «редких» или даже «экзотических» языках. Подобного рода эпитеты могут быть совершенно необоснованными с точки зрения лингвистики, но тем не менее они отражают те черты, которыми культурная система наделяет чужой язык, а, возможно, и стоящую за ним другую культурную систему.

Это может проявляться в разных ситуациях. Например, поэт-билингв переводит свои стихи на другой язык, частично или полностью принадлежащий к иной культурной системе (с китайского топонима *юи* на нормативный китайский *путунхуа* или с эрзянского на русский), оставляя ряд реалий и понятий без перевода или, напротив, замещая реалии и понятия, неизвестные за пределами культурной системы оригинала, какими-то другими, более распространенными. Или философ переводит другого философа, писавшего на классическом языке, греческом или латыни, и считает нужным оставить что-то без перевода, а что-то заменить описательным комментарием. Очевидно, в таких случаях речь идет не только о том, что какие-то элементы текста *поддаются* переводу, а какие-то нет, но о том, что не все такие элементы *необходимо* переводить. Неперевод в известном смысле настаивает на несамодостаточности переводного текста, на невозможности *полного* и *совершенного* перевода. На практике это приводит к разным следствиям: к тому, что перевод превращается в заведомо несамодостаточный комментарий к трудному оригиналу или, по крайней мере, в «подстрочник» (это часто

встречается в переводе поэзии с неевропейских языков на английский или французский); к тому, что переводчик сосредоточивается на процессуальности перевода, снова и снова возвращаясь к оригиналу и совершая всё новые попытки приблизиться к нему, отмечая возможность окончательного, «совершенного» или «полного» перевода (такое часто можно заметить, когда один философ переводит другого: результат такого перевода — продолжение мысли, а не какой-либо конечный продукт).

Весь этот круг проблем рассматривается в статьях блока на конкретных примерах. В фокусе внимания *Н. М. Азаровой* — стратегии перевода и неперевода у философов Мартина Хайдеггера, Алексея Фёдоровича Лосева и Хосе Ортеги-и-Гассета, которые, будучи современниками, часто обращались к близкому набору античных философских текстов, чтобы выработать на их основе собственное представление о том, что может и должно быть переведено. *В. З. Демьянков* анализирует, как обширные французские вставки в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» передаются в переводах на французский же язык и к каким аккомодационным процессам приводит столкновение «русского французского» с «французским французским». *О. К. Ирисханова* рассматривает жесты, возникающие в процессе работы синхронного переводчика, как недискурсивные аналоги неперевода, имеющие определенную смысловую функцию. *К. М. Корчагин* обращается к судьбе образа нефти в русской поэзии XX века, показывая, как последний становится радикальным выражением логики неперевода. *Ю. А. Дрейзис* анализирует, как соотносится перевод и неперевод в творчестве поэтов-билингвов Китая и России. *А. Е. Масалов* обращается к нерепрезентирующей функции неперевода в современной поэзии. *Т. К. Салбиев* рассматривает ситуацию «ритуального молчания» в быте российских эмигрантов осетинского происхождения (на примере писателя Гайто Газданова), демонстрируя, что она — как и жесты переводчиков-синхронистов или специфические стратегии современной поэзии — может быть понята как аналог неперевода, свидетельствующий об аккомодации культурных систем. *Е. В. Терешко* и *С. Ю. Бочавер* применяют методологию дистанционного чтения, чтобы выяснить, какие языки оказываются языками «неперевода» в различных культурных системах. Обращаясь к данным о переводах на русский и голландский языки, авторы описывают, с каких языков переводят чаще или реже, а с каких не переводят совсем.

Приглашенные редакторы выпуска:

*Н. М. Азарова,
Институт языкознания РАН, Москва;
С. Ю. Бочавер,
Институт языкознания РАН, Москва;
К. М. Корчагин,
Институт языкознания РАН, Москва;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва*

FOREWORD

The thematic issue "Non-translation in cultural systems: strategies and mechanisms" delves into the role of non-translation as an indicator of accommodation within cultural systems. In this context, a cultural system is understood as a dynamic system in which information, primarily linguistic, circulates according to specific rules, while also possessing the capacity for self-organisation, restructuring, and change. These systems actively interact with one another, resulting in ongoing processes of accommodation where they adapt to each other, leading to modifications during the process of adaptation. The notion of accommodating cultural systems suggests that interacting systems exhibit partial similarities or, conversely, develop differences as a result of their inherent ability to self-organize and readjust under external influence. Language plays a vital role within any cultural system, thereby investigating the *language* mechanisms of accommodation provides insights into the dynamics of mutual restructuring and subsequent self-organisation of these systems. Translation, within this context, emerges as a common example of cultural accommodation. However, if translation is a possibility, the reverse situation of *non-translation* is also conceivable, wherein certain elements of the original discourse, for various reasons, resist accommodation or deliberately avoid it.

The issue of translation equivalence is a recurring question in translation theory, particularly in the translation of literary and philosophical texts. It raises concerns about the extent to which the system of one language, encompassing both grammatical and conceptual aspects, can be effectively conveyed in another language. The term 'untranslatability' is employed to refer to elements that cannot be fully conveyed due to inherent differences in linguistic structure or established cultural conventions. Structuralist translation theory, as exemplified by Roman Jakobson's famous example of translating the word 'cheese' into various languages, grappled with this challenging issue. While unresolved within the realm of pure linguistics, recent advancements in artificial intelligence and neural network training have offered promising approaches to this problem. However, these developments lie beyond the scope of this thematic issue of the journal.

The introduction of the concept and term *non-translation* serves the purpose of establishing a contrast with *untranslatability*. While untranslatability, in accordance with the structuralist translation theory, views the impossibility of translating certain concepts or representations as an inherent defect in any translation endeavour, the notion of non-translation delves into the idea that not everything should or can be translated. It poses a scientific problem of understanding why certain discursive elements remain untranslated and the implications this holds for translation theory as a whole.

Non-translation can stem from various factors, including the preservation of textual sacredness, restrictions imposed by censorship, cultural disparities, or a combination thereof. The phenomenon of non-translation is as ancient as translation itself, spanning from untranslated words found in the Septuagint (such as 'Sabaoth', the plural form of Rus. 'voinstvo') to contemporary poetic practices where entire phrases in less common languages are left without explanations. Such instances are often associated with the sanctity attributed to the designated object or, conversely, censorship, the intention to convey true meaning exclusively to the initiated, and sometimes the aim of disrupting 'automatic' communication between the text and the reader, prompting the reader to pause and contemplate.

The authors of this issue selected literary (mostly poetic) and philosophical texts, situations of non-verbal communication that arise during interpretation, and the practice of self-translation done by bilingual authors as objects of study. In one way or another, all authors reflect on the opposition of 'translation vs. non-translation' in relation to both the multilingual nature of the text and the cultural hierarchy among languages. In everyday conversations, one can often hear about "beautiful" languages, some languages being called "simple" or "complex," and occasionally referring to languages as "common," "rare," or even "exotic." Such epithets may not be linguistically justified, but they reflect the characteristics with which a cultural system endows a foreign language and, possibly, the cultural system underlying it.

This can manifest in various situations. For example, a bilingual poet translates poems into another language that partially or fully belongs to a different cultural system (for instance, translating from Chinese topolect *Yue* to standard Chinese *Putonghua* or from Erzya to Russian), leaving certain realities and concepts untranslated or, conversely, replacing some realities and concepts unknown outside the original cultural system with more common ones. Similarly, a philosopher translates another philosopher who wrote in a classical language such as Greek or Latin, deeming it necessary to leave certain elements without translation while substituting others with a descriptive commentary. In such cases, it is evident that the issue at hand is not only about certain elements being translatable while others are not, but rather about the fact that *not all elements should be translated*. In a certain sense, non-translation emphasizes the insufficiency of the translated text and the impossibility of achieving a *complete* and *perfect* translation. In practice, this leads to various consequences: a translated text becomes an inherently insufficient commentary on the challenging original or, at the very least, a word-for-word translation (this is often observed in poetry translation from non-European languages into English or French); the translator focuses on the process of translation, repeatedly returning to the original and making new attempts to approach it, dismissing the possibility of a final, 'perfect', or 'complete' translation (this is often seen when one philosopher translates another, and the result becomes a continuation of thought rather than a translation).

These issues are explored in the articles of Slovo through specific examples. Natalia Azarova examines the strategies of translation and non-translation employed by contemporary philosophers, Martin Heidegger, Alexei Lo-

sev, and José Ortega y Gasset, who often referred to a set of ancient philosophical texts to develop their own understanding of what can and should be translated. Valery Demyankov analyzes how extensive French inserts in Leo Tolstoy's novel "War and Peace" are conveyed in translations into the French language and the accommodation processes resulting from the clash between 'Russian French' and 'French French'. Olga Iriskhanova explores gestures that arise in the process of simultaneous interpretation as non-discursive equivalents of non-translation, having specific semantic functions. Kirill Korchagin delves into the fate of the image of oil in 20th-century Russian poetry, illustrating how it becomes a radical expression of the logic of non-translation. Yulia Dreizis analyzes the relationship between translation and non-translation in the works of bilingual poets from China and Russia. Alexey Masalov examines the non-representational function of non-translation in contemporary poetry. Tamerlan Salbiev investigates of the phenomenon of 'ritual silence' experienced by Russian immigrants of Ossetian descent, specifically focusing on the case of writer Gaito Gazdanov. Through this analysis, Salbiev illustrates that ritual silence, akin to the gestures employed by simultaneous interpreters or particular strategies employed in contemporary poetry, can be regarded as an analogue of non-translation. This analogy serves to highlight the process of accommodation within cultural systems. Ekaterina Tereshko and Svetlana Bochaver employed the distant reading methodology to explore languages that assume the role of languages of 'non-translation' within diverse cultural systems. By examining translation data into both Russian and Dutch, the authors elucidated the frequency of translations from various languages, discerning those that are more frequently or less frequently translated, as well as those from which there are no translations at all.

Invited editors of the issue

Natalia M. Azarova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Svetlana Yu. Bochaver

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Kirill M. Korchagin,

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow;

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*